

ЯН КЕЛЬТ

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТЬ

Ян Кельт

Ничего не изменить

«Издательские решения»

Кельт Я.

Ничего не изменить / Я. Кельт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832306-5

История повествует о СССР после ядерной войны, описанной в мобильной игре Day R. Герой является одним из немногочисленных выживших, которые пытаются найти свое место в этом новом мире. Жить страшно, но умирать нельзя — собирая мусор, оставшийся от цивилизации, используя всё для выживания, борясь с природой и людьми, вступая в схватку со смертельными опасностями, остатки человечества бьются в ежедневной конвульсии. Как жить в АДУ? Есть ли где-то РАЙ? А если есть, то как до него дойти?

ISBN 978-5-44-832306-5

© Кельт Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Дым над водой	6
Глава вторая. Огонь в небесах	10
Глава третья. Штиль и тишина	14
Глава четвертая. Берег в огне	19
Глава пятая. На север	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ничего не изменить

Ян Кельт

Посвящается моему отцу, с верой в лучшее будущее человечества.

© Ян Кельт, 2016

© Ян Кельт, дизайн обложки, 2016

Редактор Анжелика Семилетова

ISBN 978-5-4483-2306-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Дым над водой

«Один мудрец сказал: «Если мы не покончим с войнами, войны покончат с нами»

Осенью на Балтике начинается сезон штормов – море беспокойно, соленая пыль смешивается с дождем, серое небо и серое море сливаются воедино. Заканчивается судоходный сезон, рыбаки больше не появляются на пирсе, резко холодает и наступает затишье. Серость, влажность и апатия – верные спутники балтийской осени. И она вступала в свои права.

«Черт, опять занозу засадил!» – с досадой подумал шкипер Смутьянов, отдернув руку с мокрого поручня. Кровь смешалась с соленой водой и дизелем, но Виктор не обращал на это внимания: «Потом разберусь». Больше его интересовала тишина в радиоэфире – он плыл проверить маяк у Готланда, потому как дозорные больше суток не выходили на связь. Работая уже пять лет смотрителем маяков, он не помнил случая, чтобы были такие проблемы с каким-либо из объектов. Выйдя на пенсию раньше пятидесяти пяти, старший мичман исполнял свою службу с таким же вниманием и ответственностью, что и во время сверхсрочки, потому что любил то, что делает. Жены не было, детей тоже – наверное поэтому старый моряк не мог находиться долго дома, один в двух комнатах, полученных когда-то давно за примерную службу на Северном флоте. Не пил принципиально, хобби, кроме рыбалки да книг, не было, и моряк метался по квартире как раненный зверь. Спал беспокойно – снилась служба срочником, где Смутьянов пытался выяснить почему он второй раз на срочке, среди обритых матросиков с мятыми гюйсами. Просыпался уставшим, старым и больным. Прошло не больше недели, как сослуживцы проводили его на пенсию, а он опять стоял перед начальником бригады с прошением о зачислении на службу – хоть кем, хоть матросом последним с «машкой» палубы драить, хоть чертом морским, но на корабль и в море.

Странно, но Виктор действительно уже не мыслил себя без этого. Без бескрайней глади, без чистейшего воздуха, без низких потолков отсеков, без стали корабля, без вертикальных трапов, без звонков и тревог. Потому, мчась сейчас по серым волнам Балтийского моря, под серым, осенним небом, он был рад даже тому, что его не взяли обратно в экипаж. Смотритель маяков – тоже неплохо, опять же, катер свой дали, почти корабль! Только проклятый поручень зашкурить руки никак не дойдут.

До маяка оставалось не больше пяти километров, когда он услышал в рубке шум рации. Виктор стряхнул кровь за борт и поспешил внутрь. Немного покрутив ручки и надев наушники, стал слушать радиоэфир.

«114, 114, вызываем 13—23! 114, 13—23, прием!»

«13—23, 114, слушаем Вас»

«Немедленно доложите в штаб бригады – мы атакованы! Повторяю: мы атакованы!»

«114, кем атакованы? Повторите: кем были атакованы? Уточните тип атаки!»

«Черт, атакована не подлодка, мы видим ракеты на радаре! Повторяю: видим ракеты земля-земля, пуск минута тридцать, курс 177! Удар по бригаде! Удар по вам!»

Виктор не поверил своим ушам – кто-то пустил ракеты по базе советских кораблей! Его родной бригаде! Неизвестно в каком секторе подлодка, но наверняка на дежурстве у Европы, раз передают в Калининград. Но канал открытый! Их слышат все прибрежные радиостанции и суда!

«Неужели война?» – похолодело внутри у Смутьянова. Перед глазами, как кадры кино-пленки, проплыли детские годы на заводе за сбором патронов, похоронка в руках матери, безногие молодые солдаты, возвращавшиеся с фронта, один паек на двоих с сестренкой, ужас бомбардировок.

И тут он увидел их. Оставляя белый след, огненные шары пронесли высоко над морем и направились в сторону берега. Навстречу им понеслись другие огни. Много. Очень много. Они рассекли небосвод на полосы, как нож рассекает ткань – с треском, прожигая пространство.

«Значит война». И тут радиоэфир заполнило множество голосов на разных языках – крики, приказы, рыдания, молитвы, вопросы, вопросы, вопросы. Виктор вышел на палубу и вдохнул поглубже морской воздух. Опять война, спустя всего сорок лет. Опять тяжелое бремя на бедную, несчастную его Родину. Не будет больше того мира и спокойствия, которым дышал СССР столько лет, ничего не будет. Старый моряк понимал абсолютно четко: ничего как раньше не будет.

Взрывов не было слышно. Но была видна вспышка – настолько яркая, что Виктор упал на палубу, сильно ударившись об неё головой. Лежа на спине, он видел, как серое небо стало белым, а потом огненно-красным. Аккуратно высунувшись, Смутьянов посмотрел куда упали ракеты – алое зарево освещало почти весь берег. Калининград и Балтийск горели. Своих целей достигли и другие шары – вспыхнуло всё: север, запад. Кровавые сполохи разлились по Старой Европе.

«Теперь точно всё. Ничего не изменить». Виктор поднялся и хромя зашагал в рубку – всё, что ему оставалось – слушать. Слушать эфир на много километров вокруг, если там остался хоть кто-то живой. Моряк невольно пустил слезу, подумав о бригаде, о сослуживцах и молодых матросах, которых больше нет. Сомнений не было – били наверняка по жизненно-важным целям. Полыхали Балтийск, Калининград, производства, военные части и стратегические объекты. Ядерное оружие, водородные бомбы, химические заряды – это уже не важно – эквивалент таков, что даже за сотню километров были видны сполохи. Там сейчас сущий ад.

Радио молчало, будто сломалось. Виктор менял частоту, вызывая хоть кого-нибудь, ещё и ещё, раз за разом. Промучав аппаратуру с полчаса, шкипер опустился на пол. Смысл? Сейчас в эфир никто не выйдет, даже если кто-то остался жив. Суда поспешат удалиться из опасного квадрата, остальные могут быть под ударом. Остался кто-то? Наверное эвакуируются, не до него тут. В наушниках послышался треск.

– 114, 114! Говорит капитан первого ранга подлодки «Устюг» Харитонов, ответьте!

Виктор молчал и надеялся, что кто-то ответит капитану, но запрос повторялся снова и снова, капитан срывался на мат, умоляя базу ответить – ответом была тишина.

– Подлодка «Устюг», СССР, Балтийский флот, ответьте! Ну хоть ктонибудь!

Виктор взял рацию и поднес к небритому подбородку:

– Говорит смотритель маяков Виктор Смутьянов. Наблюдал взрывы по всему побережью. База, скорее всего, уничтожена.

– Как уничтожена?

Виктор вздохнул, промокнул глаза и снова поднял рацию:

– Менее получаса назад наблюдал обмен ракетами со стороны берегов СССР и Старой Европы. Возможно, применялось ядерное оружие – очень яркая вспышка, сложно представить мощность зарядов. Предполагаю, что базы... нет больше базы, Харитонов. Может и Калининграда нет.

В эфире воцарилось молчание. Каково им было? Выйти в эфир и узнать, что их братьев больше нет. А может нет и семьи, поехавшей к черту на рога за моряком, расквартированной в Балтийске. Прошло минут десять, прежде чем снова раздался голос капитана:

– Смутьянов, Вы в эфире?

– Так точно. Я чудом оказался далеко от берега, продолжаю наблюдать пораженный берег, я жив.

– Смутьянов, приказываю Вам: передайте... передайте любому встреченному начальству или военному начальству: мы... мы уходим на пусковые позиции. Смутьянов, слышишь?! Мы их, с*ка, в ядерную пыль сотрем! Даю экипажу разрешение на удар по военным базам противника в Европе экспериментальным типом оружия – так и передай им, Смутьянов. Так и передай!

В эфире снова воцарилось молчание. Говорить было больше не о чем – любой на месте капитана, будь в силах, поступил бы так же. Мсть – страшная вещь. Мсть идет за человечеством по пятам, как Мефистофель преследует Фауста. Но когда отнимают самое дорогое, кроме мести ничего не остается. Мсть – самое разрушительное, что есть у человечества.

Виктор снова вышел на палубу – сердце кольнуло, не хватало воздуха, а от зарева на горизонте мутило. Он сел на канаты, опустил лицо на руки и сдавил виски. Что дальше делать? Куда плыть? Свой берег может быть заражен, чужой – враждебен. Если только...

– Да что за... – шкипер выпрямился как струна и взгляделся в сторону берега. Нет, зрение его не обманывало: с двух сторон на него стремительно надвигались стены дыма. Серые, грязные, клубящиеся они двигались с огромной скоростью над водой, словно спрут, выкидывая вперед дымные струи-щупальца. Старый моряк незамедлительно кинулся в рубку и включил мотор – времени на раздумье мало – наверняка это радиоактивная пыль – но куда плыть?

«Между ними, Витя, другого пути нет! Держи курс, к маяку!» – подбадривая себя, шкипер развернул судно и дал полный вперед между двумя приближающимися пылевыми фронтами. Это была игра на скорость – морской катер против результата ядерного взрыва. Страшно подумать, что произошло там, на берегу, и скольких людей накрыла эта смертельная пылевая буря. А что она несет? Химическое оружие? Биологическое? Черт знает еще какое! Времени мало.

Шкипер сжимал штурвал уверенной рукой, выравнивая курс между двумя пылевыми стенами. Максимально сосредоточенный, Виктор склонился над приборной доской. Времени все меньше, а надежда на спасение есть только на нейтральной территории – маяк на клочке земли между Готландом и Лиепая. Может быть его не задело.

«Успею. Нет. Не успею, черт!» – моряк закусил до крови губу, когда пылевые волны начали сходить сзади его судна. На миг небо померкло и над катером, словно его накрыли крылья бесчисленных птиц, свились потоки соединившейся пыли. «Вот и всё» – подумал Виктор и неожиданно увидел, что впереди чистое, серое небо и море. Спасение рядом! Пылевой фронт имеет конец!

Вырвавшись из лап смерти, многие плачут или смеются. Старый моряк тяжело покачнулся и упал на палубу рубки. Силы оставили его и спасительное забвение забрало Виктора в свои объятия. В его сне была темнота, легкая качка, и лишь волны били об борт. Наверное, подобное чувствует младенец в утробе матери, когда она несет его под своим сердцем.

– Дым, дым, дым! – Виктор вскочил и схватился за горло, словно задыхался. Он был весь в холодном поту, вязанный свитер насквозь промок, чувствовался холод, вокруг было темно. На последних минутах сновидения ему привиделось, что он заперт в горящем отсеке, а про-

тивогаз неисправен. Страшно, дико, неизбежно. Моряк встал и растер затекшие руки – мотор не работал, была тишина, и лишь вдалеке яркими полосками виднелись берега. Вздогнув то ли от холода, то ли от ужаса, Смутьянов первым делом запустил двигатель. Дизеля хватало с избытком, но мотор заработал не сразу – видимо, что-то повредилось в проводке от дневной гонки. «Не сгореть бы...» – шкипер открыл карту и примерно определил квадрат в котором находился. Ему чрезвычайно повезло – маяк находился совсем рядом и велика вероятность, что он цел. «Не будут же бить по клочку земли в 50 метров!.. Не дай Бог...»

Курс был взят, и шкипер направил катер тихим ходом, не включая прожекторов, в сторону островка. Во вчерашнем графике он планировал добраться до объекта, переговорить с дозорными, там дежурили Вячеслав Симонов и Жора Кернес, и выяснить причину поломки. После ночевки нужно было вернуться и взять на лодочной станции всё необходимое, послав с новой суточной сменой исправное оборудование. Теперь он плыл с надеждой на спасение в лице тех, кого собирался спасти.

Глава вторая. Огонь в небесах

Тёмное, холодное море било волнами в борт катера. Тишина – мёртвая, гнетущая, зловещая ночная тишина. Лишь глубоко во внутренностях судна билось сердце мотора. Виктор напряг зрение, вглядываясь в ночь. Где-то совсем рядом был клочок земли с маяком: «Не налесть бы в темноте...»

Оставалось с десятков метров, когда Смутьянов различил белую полоску островка, выключил двигатель и включил прожектор. Он сразу увидел две фигуры – одну тощую, тонкую, надломленную и вторую, прислонившуюся к стене маяка. Выбравшись из рубки, ловко спрыгнул на причал и закрепил двумя шкертами катер. Судно потянуло веревки, недовольно закричало, словно пытаясь уйти от своего владельца, но, в итоге, остановилось.

Шкипер отряхнул одежду и почти бегом, прихрамывая, направился к дозорным.

– Слава! Жора! Вы жив...

Моряк осекся, когда увидел, что оба они словно застыли, а к маяку прислонен окровавленный кулек в мешке. Один был мертв, второй стоял неподвижно. Виктор подошёл к Симонову, и его тень заслонила тело погибшего.

– Слава... Слава, это как так, а? – моряк даже не посмотрел на своего друга, стоявшего рядом. Жору он знал давно, ещё когда тот попал на «Пылкий» по срочке. Хороший, умный парень, отличный матрос, жил с матерью в колхозе у Калининграда. После службы не захотел работать в колхозе, а вернулся на флот. Помнится, его не взяли на сверхсрочную по причине укомплектованности экипажа, и Смутьянов посоветовал его к себе, на маяки. А вот теперь... нет Жоры теперь. Больно. Обидно. Жалко.

– Слав... что стряслось-то? Вас же не зацепило.

Симонов поднял руки и, как ребенок показывает что-то удивительное взрослому, показал бурую запекшуюся кровь на них. В глазах моряка стояли слезы – старый, надломленный, этот человек плакал, ожидая то ли утешения, то ли поддержки от своего друга.

– Вить... я убил его. Прямо руками своими убил.

– Как убил, за что? Вячеслав, ты чего такое говоришь? Что стряслось-то, скажи! – Виктор отшатнулся от стоящего рядом товарища и ошарашено смотрел на него.

– Убил... Прямо так и убил... Мы в рубке сидели, когда началось всё, – Симонов сглотнул и вытер слезы рукавом рубы, – Жора как увидел, что по Калининграду бьют, то сразу побежал лодку заводить, хотел за матерью с сестренкой плыть. А они летят! Летят уже, Витя...

Смутьянов молчал, смотря на друга. Кажется, он понимал, как из двоих моряков в живых остался один, и не осуждал товарища.

– Он на площадку выбежал. Я за ним. Схватил и кричу: «Сдохнешь, парень, не дури!» – Вячеслава трясло, он шмыгал носом и вытирал слезы то одним, то другим рукавом, – Огни-то,

огни уже в берег ударили! Там всё в огне! Там ад суший был! Я его схватил, не пускал к лодке, там уже пыль пошла по морю, а он меня бить стал, волосы рвать, говорит: «Там мамка моя, пусти, сестру не брошу!»

– Слава... Ты это...

– А кому он поможет, Вить? Кому?! Там может и в живых никого не осталось! А кто остался, того спасут наверняка, да сверху все заражено небось... Ну чего он там делает сейчас, а? Я его и толкнул, ослеп от боли-то, да он за перила... за перила свалился. Вить, чего он свалился? Сейчас-то зачем?! – старый моряк закрыл лицо окровавленными руками, и слезы кровавыми каплями стали падать на землю.

Ничего не говоря, Смутьянов обнял товарища. Тут не было ни осуждения, ни злобы, ни чьей-то вины. Молодой дозорный был сильнее старика, и по горячности обрек бы себя на неминуемую гибель. «Господи... сейчас-то за что?» – он похлопывал Симонова по плечу, разделяя с ним боль и сожаление.

Когда старый моряк чуть пришел в себя, Смутьянов отстранился и посмотрел ему в глаза.

– Слава, ты не виноват. Понял? Ты ему добра желал. Тут никто не виноват, даже он сам.

– Да я понимаю, Вить... Глупо всё получилось. Жить не хочется, – Симонов нервно вздохнул и отер лицо от кровавых разводов.

– Надо, Вячеслав, нельзя нам умирать. Мы, может одни из немногих, кому конец света пережить пришлось. Давай... Давай Жору похороним. Недобро так ему лежать.

Двое стариков, напрягаясь, подняли тело в мешке и понесли свою тяжелую ношу к воде. Такова старая морская традиция – хоронить в воде, если нет рядом земли, или нет условий для нормальных похорон. Настоящие морские похороны – простые, достойные моряка. Но здесь было что-то неправильное, неверное. Это остро чувствовали оба товарища: когда мир, возможно, погиб, когда жизнь на всем земном шаре замерла, два старика хоронили молодого, сильного парня. У него была вся жизнь впереди. У его матери, у его сестры всё-всё было впереди. Теперь ничего нет. И уже никогда не будет.

Тело ушло вниз с каменистого обрыва легко, словно всю жизнь ждало этого. Исчезло в глубине. Симонов тяжело вздохнул. Виктор взял его за плечо и повел внутрь маяка – предстояло многое обсудить и понять. Они поднимались по винтовой лестнице, когда Смутьянов заговорил:

– Слав, сколько у вас топлива оставалось, и что с рацией?

– Топлива много, а рация сломалась – перегорело что-то, я так и не смог починить. У нас, сам знаешь, запасов на месяц вперед, а вот запасных деталей не нашлось. Мы с Жорой... мы тебя ждали вчера, после обеда, знали что обязательно появишься. При последней передаче я сказал бригаде, что аппаратура барахлит, а как сломалось всё, так я решил не оставлять маяк, а тебя дожидаться. Видать, правильно остаться решили, – опираясь на качающиеся перила, Симонов поднимался вверх.

– Это верное решение было. Никто же не знал, понимаешь? В эфире такое творилось, когда началось... Как вспомню, так в дрожь бросает.

Они поднялись на самый верх, в рубку, и Симонов зажег небольшую свечу, поставив её у прожектора – мягкий свет заполнил всю комнату. На небольшом примусе появился закопченный чайник, и дозорный чиркнул спичкой.

– Витя... а меня того... судить будут? – моряк обернулся к товарищу и замер с горячей спичкой в руке.

– Не будут, Слав. Может и некому судить, черт знает, что там произошло вообще, – увидев испуганный взгляд Симонова, Виктор поспешил его успокоить. – Это был несчастный случай. Не думай даже обвинять себя, а если что, я свидетелем твоим буду.

Они сели на два старых табурета у стола, заваленного журналами, и замолчали. Только потрескивание примуса и легкий запах солянки в комнате. Слишком многое свалилось на двух пожилых людей в этот злосчастный день. Что делать? Как жить дальше? Спаслись ли они, или лишь отсрочили свою гибель? «Нет, я вам, с*ка, не сдамся», – подумал, про себя, Виктор и сжал кулаки. Нужно действовать:

– Вячеслав, дело есть.

Старый, худощавый моряк вскинул голову и внимательно посмотрел на товарища.

– Пока мы понять что-то сможем, нужно подготовиться. Разберемся с информацией, наличием провианта и топлива, а потом будем решать, куда и как двигаемся. Здесь оставаться нельзя, берег далеко, но и тут может стать небезопасно.

– Ага, понял, – Симонов кивнул и снял чайник с примуса.

– Сейчас почеевничает, а потом пойдем принесем радиостанцию с моего катерка. Заодно расскажу, что со мной приключилось.

Кипяток и крепкая заварка чая «со слоном» перекочевали в стальные кружки, на столе появился кусковой сахар в бумажке, а также пачка «каменных» галет. Пили по-старому, «вприкуску», поднося дымящиеся кружки к лицу. Виктор рассказал всё, что с ним произошло со времени выхода в море: про первый вызов подлодки, про эфир, про удары, про месть капитана, про дым над водой и про то, как он оказался у маяка. Симонов внимательно слушал, не перебивая, а потом рассказал, что они видели с маяка. Картина складывалась убийственная. Очевидно, что первые удары наносились по крупным городам и военным базам, а после и по мирным поселениям. Пораженный берег Латвийской и Литовской СССР был не единственным, как и берега Швеции и Дании. Симонов с напарником видели, что ракеты полетели дальше – на восток, запад, север – огонь полыхал везде. Пылевую радиоактивную бурю они тоже видели, но до них она не дошла.

– А Готланд? Может там есть выжившие? – Виктор поставил кружку на стол.

– Вить, мы враги теперь. Мы теперь все враги. Там тебя либо пограничники расстреляют, либо местные жители на куски разорвут. Война теперь везде.

– Гаки в сраки... вот влипли... – Виктор вздохнул и уставился перед собой. Действительно, бежать некуда – другие страны закрыты, а у нас, если не сумеют обуздать, начнется анархия, мародерство и бандитизм. Куда не кинь всюду клин. И даже если регулярных войск и нет, и воевать больше некому, люди будут друг друга убивать просто потому, что потеряли кого-то. Человечество прикончит не мировая война или ядерные удары – мы просто не сможем договориться больше. Людей прикончит месть. За семью. За дом. За Родину. Страшная, кровавая месть – геноцид в чистом виде.

– Ладно, не время руки опускать. Ты как, силы есть? – Смутянов кивнул товарищу.

– Есть немного, не совсем прослаб, – дозорный встал и отряхнулся. – Только робу сменю, эта...

– Переодевайся и подходи к катеру, я сниму рацию, и мы её у тебя тут подключим, – Виктор встал, надел шапку и начал спускаться по лестнице. Первым делом надо отвинтить станцию от стенок рубки, потом посмотреть проводку внизу, потому что в последний раз двигатель еле запустился.

Рация была готова к транспортировке, а вот с проводкой, даже на первый взгляд, были проблемы: провода обуглились от напряжения, кое-где вообще выгорели. Истинное чудо было в том, что Смутянов добрался до маяка и не сгорел. Потеряй он катер, шансы на спасение резко бы упали.

Со Смирновым они подняли и подключили рацию – она работала исправно, но в эфире была та же тишина, что и раньше. Берег молчал, а с судами в море не было связи из-за расстояния. Время перевалило за полночь, было решено лечь спать, а завтра решать по обстоятельствам. Проводку предстояло починить, топливо и провиант пересчитать и распределить, а также решить направление движения с островка. Виктор лег на свободную шконку – заниматься место покойного почему-то не хотелось.

Немного поговорив, моряки провалились в спасительные объятия сна. Лишь огоньки, много-много огоньков нарушали сон Виктора. Будто по винтовой лестнице они заплывали вверх, в рубку, освещали её ненадолго и исчезали. «Огонь в небесах, как салют», – подумал шкипер и улыбнулся во сне. Ночь прошла тихо.

Глава третья. Штиль и тишина

Утро выдалось хмурым – небо было безоблачным, но высоким и серым, как потолок больницы. Ветер завывал, просачиваясь внутрь маяка и поднимаясь вверх по лестнице. На море был штиль. На уши давила звенящая тишина. На волнах не качались чайки, не было перелетных птиц. Осталась лишь бесконечная гладь цвета асфальта.

Виктор проснулся и открыл глаза. В первые секунды пробуждения на него напал внезапный страх, и такой сильный, что старый моряк чуть не закричал. Волна беспричинного, всепоглощающего ужаса захлестнула всё его существо. Переборов мгновенное желание вскочить со шконки и бежать, Смутьянов глубоко задышал и сел на постели. «Да что же это такое?» – Шкипер протер глаза и окончательно проснулся, Симонов спал недвижимо. «Не помер бы...»

Моряк встал, заправил шконку – по старой корабельной привычке, и пошел ставить чайник на примус. Стоит разобраться с водой и едой, но это чуть позже. Смутьянов рассудил, что в состоянии стресса стоит немного потакать расшатанной психике и удовлетворять её минимальные желания. Опять же, возраст не тот. Не хотелось, чтобы Вячеслав снова оказался с ненормальным на маяке, он такого не вынесет.

От шума расставляемой посуды и запаха солянки проснулся Симонов. Он сел, потянулся и лег обратно, уставившись в потолок.

– Вячеслав, ты чего? Как себя чувствуешь? – шкипер обеспокоено посмотрел на товарища.

– Да как-то не могу в себя прийти, как вспомню, что за два дня произошло... – Симонов всё же поднялся с постели и направился к столу.

– Я как проснулся, так вообще чуть с маяка не убежал, воно что! – усмехнулся Виктор и щедро насыпал заварку в кружку. – Мы, брат, с катушек съедем, это я тебе точно говорю.

– Да не хотелось бы! – дозорный впервые, со вчерашней встречи, улыбнулся и расслаблено сел на табурет.

Чай пили молча. Тишина вокруг установила свою гегемонию даже на этом клочке земли, на самой вершине маяка, в двух выживших людях. День предстоял трудный, работы было много, и стоило начать его хорошо.

– Так, Вячеслав, план таков: ты электрик, а у нас проблема с катером – займись этим, пожалуйста. Если удастся починить, вернись потом сюда и посиди, послушай эфир. Генераторы у вас на сколько рассчитаны?

– Надолго, две недели можем спокойно работать, а топлива так и на три месяца имеется, – Симонов хлебнул чая.

– Вот и славно. А я пока поколдую над картами, да припасы сосчитаю – уходить надо, и делать это с умом. Глупо теперь подохнуть, согласен?

– Согласен, – кивнул дозорный. Он оправил робу, надел пилотку и стал спускаться по лестнице.

Работа отвлекла их от ужасов пережитого, заполонила нерешительность и пустоту. Советские люди привыкли работать – жили этим, дышали, добивались результатов. Наверное, поэтому у них были самые высокие шансы выжить в этом безумии.

Смутьянов достал в подвале маяка и на этажах все, что только смог найти. Поднял наверх, и особо ценное разложил на столе. Выглядело всё довольно оптимистично – маяк оказался

своеобразным магнитом для различного барахла, которое тащили сюда дозорные и бывший смотритель. Где лучшая нычка от жены, как не на островке посреди моря? «Вот черти! Будь у них возможность, они бы и танк тут спрятали».

По подсчету и записи всех припасов, вырисовывалась следующая картина: провизии им хватит на 12—14 дней, при экономии – до двадцати дней. Топлива было с избытком, к тому же на катере Смутьянова было достаточно дизеля, чтобы добраться до берега. Но самым ценным приобретением были два костюма химзащиты и два счетчика Гейгера. Виктор не рассчитывал их найти, так как по новой смете для обеспечения дозорных радиационная защита и дозиметры просто не полагались.

Смутьянов склонился над картами, когда перепачканный дозорный поднялся в рубку и уставился на припасы.

– Вот это поворот! Виктор, ты где это все достал? Мать честная, даже РХБЗ имеется! – Вячеслав удивленно перебирал вещи, включал дозиметр, проверял клапана противогаза.

– Места знать надо! Я все свои маяки знаю, как вы не знаете, – Виктор подмигнул дозорному и отстранился от карт, разминая спину. – Что там с электрикой?

– Я на эсминцах ток чинил, не то что на твоём катерке – будет готово через пару дней. Прожег ты там все основательно, менять буду. Может чайку? – Симонов подошел к рукомойнику и стал отмывать руки.

– Можно и чайку, уберу только все со стола, – шкипер начал перемещать вещи к дальней стене, провиант убрал в шкаф, комплекты РХБЗ повесил на крючки, а дозиметр убрал в стол (авось пригодится). Снова закоптил примус, на столе появились чашки и закуска.

– Про обед мне продумать или сам возьмешься? – Виктор сел за стол напротив дозорного.

– Нет, смотритель, давай уж ты. Я вздремну полчаса, сил наберусь и обратно в трюма твои поеду. Ну, это если ты хочешь уехать отсюда побыстрей, – Симонов шумно отпил чая и подмигнул товарищу.

– Добро, только радио покрути хоть пять минут, может чего услышим... Доброго... – шкипер сделал акцент на последнем слове, словно его надежда могла помочь в поиске хороших новостей.

Чай был допит, рация включена, а Виктор уделит время на бумажные расчеты по провианту, топливу и предстоящей дороге. Сложно было что-то сказать о том, как дело обстоит на берегу, поэтому брал всё по максимуму. Дозорный крутил ручки рации, но в эфире был лишь белый шум, как и вчера.

– Тишина, – Симонов отложил наушники и выключил рацию. – А у тебя как, что по картам? Мать твою...

На лоцманской карте Смутьянов обвел красным предполагаемые точки поражения по берегу и зоны поражения радиационной пылью в море. Карта СССР в восточной части выглядела не лучше – красными кругами Виктор обвел все крупные военные объекты в Литве, Латвии, Эстонии, Норвегии, Финляндии, Швеции, Дании и Польше. Выглядело это достаточно жутко, так как по расчетам шкипера, при одинаковой протяжённости радиационного заражения, они были в кольце разбомбленных городов. Они чудом остались на маленьком клочке Балтийского моря, не задетого волной.

– Как-то так, Слав. Дела, конечно... – шкипер сам поразился, оглядев карту полностью.

– И что делать будем? Ты лоцман, прокладывай путь, – дозорный покосился на Смутьянова.

– Двигаться будем. На север двигаться – мы точно не знаем, что там произошло, так как видели только то, что вокруг нас здесь. А здесь ловить нечего, – Виктор взял карандаш. – Но берег стоит посетить, это точно. Первой точкой ставлю Лиепая – пойдем по прямой, идти средним ходом часа два, от силы три. Высадимся на 106 ДМРК, осмотримся, может найдем кого. Если город цел и кто-то жив, то нам смогут помочь, отправят в точку эвакуации и расскажут что произошло наконец. Если нет... соберем топлива, продуктов и запчастей сколько сможем, и двинем дальше, вдоль берега, пока не найдем кого-нибудь.

– Толково, Смутьянов, толково... только один эпизод есть. Ежели радиация, то как мы сможем находиться там? – дозорный посмотрел на шкипера.

– Слав, ты инструкции читаешь? У нас каждый месяц методичку на случай войны обновляют. Что начальство весь состав зря на лекции гоняет? – Виктор с укором посмотрел на товарища. – Вам потому и химзащиту с дозиметром выделили, чтобы при происшествии заживо не свариться.

– Ну, ты не горячись, я же электрик, мое дело маленькое, – Симонов пожал плечами.

– С радиацией расклад такой: если ядерной боеголовкой ударили, то на берегу сейчас всё заражено или разрушено. Что подальше, то пылью радиоактивной занесло, как дым тот, что за мной гнался. Находиться человеку без защиты нельзя, да и в защите не стоит, но тут на нас работает закон... – шкипер многозначительно поднял палец вверх.

– Какой закон? – дозорный нахмурился.

– Полураспада, Слава, закон. Со временем радиационный фон будет спадать, причем достаточно быстро. Другое дело, что опасней намного выброс в воздух: в течение двух недель пойдут радиационные дожди, находиться под ними совсем нельзя, иначе кони двинешь. В общем, время работает на нас, но уйти отсюда рано или поздно придется.

– Понятно. Значит, закончим ремонт, посмотрим на тучки, подплывем к берегу, оденемся как инопланетяне и пойдем эвакуироваться? – Симонов хлопнул руками по столу.

– Как-то так, а дальше действовать будем по обстоятельствам, – Виктор вздохнул.

– Ну и добро, пойду вздремну, – стянув прогары, моряк улегся на шконку и закрыл глаза.

Шкипер ещё посидел над картой, достал пару инструкций по действиям населения при радиоактивной и химической опасности и начал готовить обед. Взял воду из питьевого бака, достал пачку макарон и поставил вариться всё на примус. На столе появилась банка тушенки и дореволюционный кортик – подарок безымянного молодого офицера из Риги.

«Может и нет уже того парня, а кортик есть», – подумал Виктор. Странно вышло – люди сделали столько вещей, станки работали последние полвека без перерыва... А теперь... какой от них толк, если ими некому пользоваться? И какой смысл во всей этой куче мусора, оставленной после ядерного дождя, если им некому владеть и некому принадлежать? С нами – дома, машины, дороги, вещи имеют смысл, потому что служат нам. Когда уйдет человечество, оно оставит после себя бесполезный для мироздания мусор.

Мы – производители и пользователи потенциального мусора. Весь цивилизованный мир готов убивать и предавать за блестящие золотые бусы и черные реки нефти, но убив друг друга все это станет неважным, ненужным, бесполезным. Единственное полезное, что оставит человек после себя – плоть, которая накормит голодных животных и удобрит почву. Может это и есть предназначение нашего вида – почва для планеты? Когда мы закончим свою работу здесь, мы сможем уйти. Мы не нужны.

Виктор потер глаза и тряхнул головой, словно пытаясь очистить её от мрачных мыслей. Сейчас только работа, только сосредоточенность, только надежда на спасение. «А вот и макарошки готовы»

Услышав запах, Симонов проснулся и подтянулся к столу. Пообедали быстро, весело, плотно. Опустошив стальные тарелки, приступили к чаю. Вдруг, Вячеслав нахмурился, будто вспомнил что-то.

– Вить, ты сегодня нормально спал, ничего странного не было?

Шкипер пожал плечами:

– Да как всегда, нормально, устал сильно же.

Дозорный заерзал на табурете:

– А сны никакие странные не снились, нет? Я просто огни во сне видел, вроде тех, что по берегу били тогда. Ты ничего не помнишь такого?

– Слушай, было ведь... точно помню: снился мне салют, огоньки везде, я ж подумал ещё, что салют красивый, – шкипер оторопело посмотрел на Симонова и поставил кружку на стол. – Ты же не думаешь, что...

– Не знаю, Вить, не знаю! Не могло же нам двоим показаться? Значит, опять удар был! Ах ты... – и моряк грубо выругался, схватился за голову, и подошел к окну.

– Только вот кого и по кому? – Виктор огорченно посмотрел на товарища.

– Ну, ежели подумать, то мы в одну сторону лицом лежали, значит, точно что-то по нам попало. С другой стороны, может тоже что-то было, да мы не видали. Может и волну эту, проклятую, пропустили, а? – резко обернувшись, дозорный уставился на Смутьянова.

– Исключено. Утром пыли внизу не было, и дозиметр ничего не показал, – Виктор смахнул крошки со стола. – Может это и не ядерные бомбы были, а ещё чего. Не будем торопить события, узнаем всё на месте.

Ремонт затянулся ещё на неделю. Оказалось, что недостаточно материалов, и приходилось ухитряться сокращать расстояние, делать связки и спайки, кое-где даже пилить или сверлить борт. Изменений в окружающем ландшафте не было: серое небо, серое море, пронизывающий ветер и неизвестность. Радиоэфир молчал, на горизонте не было ни судов, ни огней, ни взрывов. Лишь берег всё светился по ночам, что свидетельствовало о многочисленных пожарах.

Симонов уже стал шутить про Робинзона и Пятницу, когда прошло десять дней с прибытия Виктора на маяк. Шкипер занимался эфиром, изучал инструкции, подготавливал катер, чертил в картах, готовил экипировку и провиант к отбытию в любой момент, пересчитывал топливо и емкости с водой. Воды, кстати, было достаточно в баках на маяке – морскую решили не брать даже для бытовых нужд, в том числе, не ловить рыбу. В один из вечеров даже решили примерить костюмы РХБЗ – выглядело это достаточно комично, так как два пожилых матроса кряхтели, и еле залезли в защиту без посторонней помощи.

В последнее утро перед отправлением они плотно позавтракали, оставили на маяке журналы и записку тому, кто мог посетить это место после них. Собрано и упаковано было все полезное, что нашел Смутьянов – от 50 рублей, собранных по тайникам, до ракетницы с семью патронами. За двадцать минут до отхода маяк обесточили, погрузили припасы и топливо, которое осталось. Виктор стоял за штурвалом, а Симонов отвязывал шкеры, когда оба увидели группу чаек, беззвучно приземлившихся рядом на воду. Они качались на волнах, открывая клювы, и не издавая ни звука.

- Витя, это они чего... – дозорный замер с канатом в руках, безотрывно смотря на птиц.
- Слепые... – у штурмана побежали мурашки по коже, когда он увидел, что чайки смотрели на них белыми, ослеплёнными глазами. Птицы целой стаей увидели сверхяркую вспышку ядерных ударов, и теперь были обречены на неминуемую голодную смерть.
- Давай быстрее, – сказал Смутьянов и завел двигатель.

Глава четвертая. Берег в огне

Ветер колыхал флажок на носу катера. Море было спокойным, а вот небо темнело и наливалось чем-то свинцовым, ядовитым, тяжелым. Стелился легкий утренний туман. Потрескивание дозиметра внушало некоторое спокойствие. Начинался путь – к спасению или гибели. Путь в неизвестность.

Они уже достаточно далеко отплыли, когда Симонов тронул шкипера за плечо.
– Витя, ты... ничего странного на берегу не замечал, когда отплывали?

Смутьянов застыл каменной глыбой, он словно прирос к штурвалу и, не отрываясь, смотрел в сторону берега. Казалось, он не только не слышал вопрос товарища, но и ничего не чувствовал. Он видел. Видел собственными глазами и отказывался им верить. На краешке покинутого острова, накрывшись старым мешком, стояла фигура и грустно махала им вслед рукой. Всего мгновение, Смутьянов увидел это краешком глаза, а потом ничего не стало. Это психоз, галлюцинация, просто они устали.

Берег был совсем близко – за два часа они преодолели всё расстояние, запасов топлива хватало с избытком, но когда-нибудь закончатся и они, тогда придется бросить катер. Виктор остановился в километре от пристани 106 ДМРК ВМФ СССР – это Лиепая, Латвия. Он схватил бинокль и стал жадно вглядываться в полосу берега.

Берег был поражен – не ударной или световой волной. В городе пылал огонь, но не так сильно, как берег южнее. Видимо, базу сочли недостаточно опасной, поэтому удара не было. Кругом виднелись следы разрушений: катера разворочены взрывами, везде валяются вещи, техника, и даже оружие, пострадали береговые постройки. И ни одного человека.

– Так, слушай мою команду: надеваем защиту, противогазы, проверяем фильтры, помогаем друг другу загерметизироваться, берём дозиметр, вещмешки оборачиваем в пластик. На берегу идём быстро, защиту не снимаем, делаем всё быстро, ищем уцелевших или пункт эвакуации, предоставляем документы ответственным лицам и убираемся отсюда к чертовой матери. Если нет... – шкипер вздохнул. – Забираем всё ценное, грузим на катер и идём на север вдоль берега по морю.

– Понял, а что забираем-то? – Симонов потрогал свой тонкий нос.

– Я тут был пару раз, так что просто иди за мной, говорить мы не сможем. Берем запактованные продукты, воду в бутылках/баках внутри помещений, аптечки и любые медикаменты, оружие, если найдём – дизель. Не знаю, всё, что может быть полезно, и не отравлено радиацией. Нужно быть предельно осторожными в зданиях, видал? – передав бинокль товарищу, Виктор стал доставать химзащиту.

– Вот это дела! Это их изнутри так разворотило? – дозорный присвистнул.

– Видать, когда все бежали, это дурни боекомплект оставили, не успели разрядить, вот оно и рвануло, – шкипер начал одеваться.

Они оделись, тяжело дыша в противогазах, защитили вещи. Симонов спрятал паспорт в передний карман рубы как-то уважительно и по-особенному, словно билет на ковчег. «Может оно так и есть... хоть бы оно так и было», – подумал Смутьянов и встал за штурвал. Симонов включил радиостанцию и следил за дозиметром.

Берег надвигался на них мертвым куском земли, совершенно без признаков жизни. Лишь огонь весело плясал свою безумную деструктивную пляску на останках человеческой мощи. Моряки пришвартовались прямо на стенку, выкинули кранцы и прыгнули на берег. Действовать надо быстро – Смутьянов махнул рукой. Дозиметр выдавал неопасные значения, но долго здесь находиться было нельзя – уже на подходе они заметили тонкий слой желтовато-серой пыли на земле. Они шагали осторожно, стараясь не поднимать клубы пыли. Поднявшись на стену, увидели то, что не было видно с моря.

Всюду, по всему пирсу, были тела. Растерзанные, разорванные, целые, словно уснувшие – вокруг лежали моряки. Ужасное зрелище перехватило дух, и шкипер с дозорным согнулись, будто под невидимым ударом. Они лежали вокруг, видимо, пытались бежать в сторону от корабля – многие из них просто не достигли ворот КПП, чтобы выбраться на свободу. Бедные, несчастные люди, закончившие свои дни на берегу Балтийского моря, они лежали впопалку, залитые запекшейся кровью.

– Итя!...Итя, ета изумие акое-то! – Симонов закричал, схватившись за голову в противогазе. – Итя! Ета што тагое?!

– Исец ето... – стекла противогаза запотели, по лицу шкипера текли слезы.

Дозорный покачнулся и хотел сесть на землю, но Смутьянов его подхватил и тряхнул.

– Нзя! Аставить! Едем! Идём! – он с силой толкнул Симонова в сторону от ворот, к другому выходу, где стенка выходила на конфетный завод.

Они шли, покачиваясь, в шоке от увиденного, в сторону складов и лодочной станции. Как такое могло произойти? Наверное, большинство просто стухнуло, увидев взрывы, и, забыв про инструкции, рванули вон с кораблей. Давка, взрывы, быстрая смерть. «Упокой их, Господи...»

Они прошли через здание конфетного завода. Цеха были пусты, люди бросили рабочие места, спустились в убежище или направились на эвакуацию. Везде валялись мешки с сахаром, банки стужёнки, перевернутые коробки конфет. Конвейер замер. Шкипер бегло осмотрел всё, подметил, где кабинет начальника производства и они двинули дальше, к выходу в город.

Радиационный фон неуклонно спадал, как и предвещал Смутьянов, но время шло и костюм с противогазом давали всё меньше защиты, а дозиметр показывал отклонения от нормы. Двое моряков двинулись по улице маленького городка – стоило найти местное отделение милиции, возможно, там есть какие-то указания для эвакуирующихся. Город выглядел запустевшим и разрушенным. Люди либо оставались в своих домах, либо бросали все и уезжали из города. На улицах никого не было, кроме горящих домов и случайного мусора. Очевидно, что пожары были исключительно бытового характера – взрыв газа, спровоцированный брошенным утюгом или обогревателем, мог разворотить половину многоквартирного дома. Да мало ли что, даже повреждение проводки могло за неделю вызвать пожар и разрушить дома дотла.

Двое моряков шагали по брусчатке латвийского городка, шурша костюмами химзащиты и полиэтиленом на вещмешках, тяжело дыша через фильтры противогазов. Смутьянов шел позади дозорного с дозиметром, соображая, где точно он видел полицейский участок. Пройдя триста метров, они увидели здание из красного кирпича с синей надписью. «Ну, слава Богу, хоть нашли быстро».

Пыль поблескивала в потоке света из карманного фонарика шкипера – внутри было тихо. Он осторожно шел, высвечивая раскрытые двери кабинетов, ища глазами хоть одну зацепку, почему город был оставлен, и в каком направлении двинулись выжившие. В темноте свет фонаря выхватил фигуру милиционера.

– У свала огу! – Симонов радостно подбежал к сотруднику милиции, спящему за столом, положив голову в фуражке на журнал. – Амы уш дували нэд ниго...

Как только дозорный тронул милиционера за плечо, тот опасно накренился со стула и Симонов сразу его подхватил, облокотив на стол. Смутьянов подошел, открыл веко молодого человека.

– Ертв, Сав, – шкипер по-отечески погладил усопшего по коротко стриженной голове. У парня было странное выражение лица, будто он уснул и видит хороший сон, улыбается. Обессилев от дороги и пережитого, Смутьянов рухнул на стоящий рядом стул, стянул противогаз – внутри здания радиационной пыли не было, дверь и окна отделения были закрыты. Рядом, прямо на пол сел Симонов, стянул маску, кинул её на колени и горько заплакал, спрятав старческое лицо в ладонях.

– Это была хорошая смерть, Слав. Тихая, спокойная, он даже и не понял наверняка, что происходит.

Но Симонов всё не мог успокоиться, и Виктор понял, почему – все повторялось. Ситуация на маяке, когда их, двух старых дураков смерть пощадила, а молодой парень отправился на тот свет. Несправедливо. Горько. Неизбежно.

Виктор глубоко вздохнул и, осторожно подняв голову милиционера, взял журнал. Десять дней назад в городе было всё спокойно: поймали пару щипачей в тролейбусе, помогли семье с ребенком уговорить соседей алкоголиков. Записи про начавшийся апокалипсис не было, была запись о начале беспорядков и фраза в конце: «Точки эвакуации не назначено». Оказалось, связь с Ригой перервалась, даже соседняя Клайпеда молчала – очевидно, связь вырубил сразу после взрывов, милицейская рация также отказала. О погибших не было указано, а особенно странным казалось то, что этот дежурный остался на месте и просто исполнял свою работу. Он был на службе. На ней и остался.

– Такой расклад, Вить: город увидел взрывы, был в панике, все бежали прочь. Связи у них не было – ни по телефону, ни по рации – никакой. Последним значит, что точка эвакуации... не указана точка эвакуации, – Смутьянов бросил журнал обратно на стол.

– Вот беда-то... беда... – дозорный сидел и качал головой. – Что делать-то будем?

– Действуем по второму плану – собираем, что можем, и возвращаемся на катер, – Виктор встал. – Но сначала поднимемся на крышу и посмотрим, что и где.

Они надели противогазы и стали подниматься по винтовой лестнице на крышу здания, благо оно было достаточно высоким, ввиду древности постройки и отличия от пятиэтажек вокруг. Моряки спокойно открыли деревянную дверцу наверху и начали осматривать город и окрестности. Смотреть в бинокль через противогаз было не совсем удобно, но иных вариантов не предусматривалось. Картина была ужасная – город выгорел почти наполовину, в некоторых местах до сих пор полыхали пожары, улицы были завалены мусором и брошенными автомобилями и автобусами. Искать здесь было нечего, но Смутьянов подметил в другом конце улицы универмаг и гастроном. Симонов же больше осматривал окрестности, подмечая примерное расположение других городов и их состояние – большинство было в дыму.

– Итя, лян! – дозорный ткнул товарища в спину и указал на север. Смутьянов приложил бинокль к глазам.

– И то там?

– Орот е орит, урья воя ашка! – Симонов повернул товарища ровно на цель. – Авилоста цела!

Шкипер, наконец, сообразил, что пытался ему показать Вячеслав – прибрежный город Павилоста не дымил и, возможно, остался цел. Значит, его догадка может быть верна, и города на севере не подверглись атаке. Следующая цель была определена.

– Уодим. – Виктор махнул рукой и они стали спускаться вниз. Шагая по лестнице, Виктор решил посмотреть оружейную комнату, Симонов одобрил его намерение. Ключи нашлись в кармане дежурного. Моряки отперли цинковый шкаф, забрали два противогаза, четыре фильтра к ним, ТТ, две обоймы и пачку патронов. Оба ощущали беспокойство – ограбить милицию, а потом попасться с оружием и патронами властям не выглядело разумным, но, с другой стороны, города могут быть и не под контролем властей, а бандиты и мародеры не спросят, откуда у них пистолет.

Всё кинули в сумки для противогазов, повесили на себя и вышли на улицу, направившись к магазинам. На удивление, ничего не было тронуту, словно жители так спешили, что даже не позаботились о провианте. Возможно, их спешно эвакуировали где-то дальше, и в еде не было нужды. Моряки распаковали вещмешки и выкинули все лишнее, заменив более ценным грузом – консервами, крупами, чаем, кофе, сигаретами и водой в бутылках.

– Атрика! Иктория! – Симонов вытащил из подсобки пыльный ящик с чем-то гремящим.

– То што? – отложив в сторону рыбную консерву, Виктор подошел ближе. – Ать чсна!

– Ино! Асноэ, здоловое! – смеющиеся глаза дозорного проглядывали из-за стекол противогаза.

– Крекрасно, ери ару, – шкипер похлопал его по плечу и вернулся к упаковке мешка.

Через пару минут они вышли из гастронома и заглянули в универмаг. Тут картина была другая – развороченные полки, разорванные коробки, разбитые витрины – всё свидетельствовало об учинённом погроме. Виктор достал пистолет и снял с предохранителя. Дав знак Вячеславу остаться у входа, он собрал несколько запечатанных кусков мыла и изоленту, после чего покинул магазин вместе с товарищем.

Он странно чувствовал себя после этого похода за «покупками». С одной стороны было абсолютно четко понятно, что это никому не нужные вещи, многие из них уже пропитаны радиацией и непригодны. А с другой, он чувствовал себя грабителем и мародером – забрал ключи у трупа, украл оружие, вломился в магазин за едой, забрал вещи. А ведь их сделали советские люди, работяги, которым нужно кормить семью. Они трудовые часы отдали за эти вещи, чтобы какой-то негодяй смог их вот так просто присвоить себе. Стыдно.

Моряки снова прошли через здание завода, захватив по дороге пару банок стущёнки из подсобки, благо там не было пыли. Они могли достаточно облучиться, чтобы пострадать от лучевой болезни, но сил быстро идти уже не было. Спускаясь к катеру, пройдя мимо погибших людей, Виктор заметил его – целый сторожевой корабль, стоявший на отдалении. Наверное, он был разряжен и находился достаточно далеко, потому разрыв боезапаса на нём не отразился.

– Той! Атер, я оверю иду, ожет эсть чво, – Смутьянов похлопал товарища по плечу и показал на целый катер. – Обро?

– Обро! А авожу, ду ебя и уотим! – Вячеслав спустился к кораблю и скинул переданный вещмешок на борт. Виктор направился в сторону судна. Взойдя по трапу, по старой привычке приставил руку к голове, отдавая честь флагу. На борту его интересовали две вещи – медпункт и рубка. Корабль был пуст, все вещи были на местах. Судя по тому, что он видел у ворот, вывод был только один: экипажи оставили судна по приказу. Четкому, ясному, срочному приказу оставить всё и бежать из города. Оружия для обороны у них не было, выводить корабли в море было поздно и, ожидая ракетного удара, приняли решение спасти живую силу – экипаж. «Не вышло, братушки. Земля вам пухом».

В медпункте Смутьянов забрал почти всё, вплоть до глазного хирургического набора – предусмотрительный фельдшер закрыл люк, и радиация не испортила эти бесценные вещи. В рубке нашелся журнал, но он обрывался на заметках, сделанных тремя часами ранее, чем Виктор услышал предупреждение капитана Харитонова.

Вернувшись, шкипер грустно оглядел базу и вывел катер в море – дальше, вдоль берега, на север. Прочь, берег в огне.

Глава пятая. На север

Берег становился все дальше. На нем остались огонь, смерть и надежда на скорое спасение. Ничто его больше не потревожит, этот город семи ветров. Пожары стихнут, дожди смоют пыль, а тела истлеют. Есть ли мертвым разница как лежать?

Виктор вздрогнул от неприятной мысли и остановил двигатель. Они с Вячеславом сняли костюмы, противогазы, пакеты с вещмешков и всё это тщательно отряхнули за борт. Пыль легко счищалась, а влажная ветошь не оставляла и следа. Ради интереса Симонов смерил дозиметром воду за бортом – фона не было, видимо, прибрежные воды очистило течение.

Время было, цель была ясна, но в души моряков проникла тень отчаяния. Надежда на быстрое спасение – была ли она? Или они никогда по-настоящему не ожидали увидеть военных, спасателей и какое-либо начальство? Апатия. Усталость. Неуверенность в курсе. Они посмотрели друг на друга и слегка улыбнулись: два старых дурня, которым на веку посчастливилось пережить конец света, избежать травм и болезней. У них были безопасное судно, цель и ресурс, им ли печалиться?

– Везунчики, мать их, – сплюнув за борт, Смутьянов улыбнулся.

– Баловни Посейдона, товарищ старший мичман, – Симонов развел руками.

– Ладно, давай здоровье поправим, не дай Бог что... – шкипер достал связку таблеток в пакете, который нашел на корабле. Разорвав бумагу, отсыпал по паре пилюль из каждой пачки и передал дозорному бутылку с водой.

– Витя, а это что такое-то вообще? – спросил Симонов, заглотнув всю пригоршню.

– Витаминный винегрет, противорадиационный: витамины, таблетки йодистого калия, противовирусное, – второй моряк выпил такую же пригоршню таблеток. – Я не медик, но кое-что знаю.

– Понятно, вопросов не имею. Только что это такое – калий йодистый? – поморщившись, Вячеслав зажмурил глаза.

– Таблетки такие, радиацию выводят за счет йода. Вот ты соль морскую ешь? Там он есть, только в таблетках концентрированной. Я знал, что он может у медиков быть, как и прочие антирадиационные средства, но вот найти в наличии – большая удача. Видать, начмед там хороший был, приберег.

– Ну, раз человек хороший был, хозяйственный, так мы, того, помянем? – Симонов весело подмигнул и ловко извлек бутылку красного из вещмешка.

– Выпить есть, а повод найдется. Вино тоже полезно, если умеренно употреблять, – одобряюще кивнул Виктор. – Только замерь сначала, не хватило бы ещё радиации хапнуть.

Вино разлилось в две фляги, вскрылась банка латвийских шпрот, дозиметр показал отсутствие фона и два моряка чокнулись сталью, сделав по паре глотков. Вино было терпким, с миндальным привкусом, и вязало язык. Вилки, аккуратно замотанные в ветошь, опустились в банку с маленькой рыбкой. Ирония судьбы: мир вокруг горел, а двое товарищей распивали вино с добротной закуской, словно не на спасательной миссии, а на катерной прогулке. Настроение поднялось, из припасов было уничтожено ещё две банки шпрот и две пачки галет вместе с бутылкой воды.

В голове у Виктора приятно зашумело от непривычки, он убрал остатки трапезы, смахнув галетные крошки за борт. Нужно двигаться – скоро стемнеет. До Павилоста они доберутся затемно, но стоит ли идти в город ночью?

– Слав, дело есть, – моряк утер масляные губы рукавом рубы. – Как добираться будем? Нам идти отсюда средним ходом часа полтора, уже смеркаться будет как в город войдем. Если что не так, то придется рядом с берегом ночевать, на якоре, померзнем.

– Да, ночью точно померзнем, коли в море не снесет, – Симонов нахмурился. – Но и на полпути вставать тоже не добро, верно?

– Верно, – покачал головой шкипер.

– Тогда решено – идем в город и там остановимся. Коли совсем худо будет, то с прожектором пройдем пару километров и на берегу лагерем встанем.

– Толково, двигаем, – Виктор встал за штурвал и завел мотор. Симонов пристроился рядом у радио, чтобы слушать эфир, пока катер идет вдоль берега.

Много ли нужно человеку для счастья? Полный желудок, минимальное общество и план на ближайший день. Мы не так далеко отошли от животных, которые порядком проще человека относятся ко всему. В них нет наносного, лишнего, не откровенного. Остальное додумано нами – потребителями термически обработанного белка, повелителями огня и изобретателями одежды. Всё намного проще.

Они пошли вдоль берега, наблюдая пустые и разрушенные дома, брошенные машины и пожары. За поворотом показался причал – Павилоста была рядом. Моряки надели на себя костюмы, которые успели высохнуть от влажной уборки, проверили дозиметры, упаковали вещмешки. Припасы решили оставить на борту. Осмотрев друг друга, неожиданно рассмеялись – выглядели они довольно нелепо.

– Ну и чудище ты, Михалыч, ей богу! – Симонов ткнул товарища в плечо. – Такого увидят, так застрелят с испугу!

– Ничего, два инопланетянина рядышком лягут, обидно не будет, – Виктор засмеялся и надел противогаз.

Катер вышел ровно напротив лодочной станции, и моряки жадно припали к окулярам бинокля. Увиденное поразило их – город был совершенно цел! Лишь время повредило старинным домам и доку. Постройки выглядели словно игрушки – никакого пожара или мертвых тел, будто жители просто спят после обеда и сейчас выйдут прогуляться по пирсу.

– Ичего э онимаю! – Симонов развел руками и отдал бинокль Смутьянову.

– Таа, елааа! – шкипер просмотрел весь берег, особенно просматривая окна домов. – Идем!

Уверенной рукой Виктор направил катер прямо под крышу ремонтной станции, она была пуста. Симонов спрыгнул за борт, пристроил кранцы и закрепил концы. Внутри было тихо, темно и лишь серое небо давало небольшой свет через отражение. Шкипер заглушил мотор, включил карманный фонарик и пошел первым. Электричества не было, а вот инструмента хватало, что-то могло пригодиться, но это пусть Симонов разбирается на обратном пути.

Они вышли в город и двинулись вдоль побережья. Симонов неплохо знал город, потому как раньше жил в Павилосте. Цель похода была идентичной походу в Лиепая: поиск выживших, информация о точке эвакуации, информация о зараженности и разрушениях, поиск провианта. Вдруг Вячеслав резко затормозил и начал тыкать пальцем в дозиметр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.